УДК 340.113

Гаврилова Ю.А.

ТОЛКОВАНИЕ, КОНКРЕТИЗАЦИЯ И СМЫСЛ ПРАВА: ПРОБЛЕМА КОРРЕЛЯЦИИ ПОНЯТИЙ

Статья посвящена вопросам толкования и конкретизации права, которые рассматриваются как основные способы раскрытия смысла права. Взаимосвязь толкования и конкретизации позволяют установить подлинный смысл правовых норм.

The article is devoted to the issues of interpretation and specification of the rights, which are considered as the major ways to discover the meaning of law. The relationship interpretation and specification allow to establish the true meaning of legal norms.

Ключевые слова: *право, смысл права, толкование, конкретизация, смысловое поле права, концепт.*

Key words: *the right, the meaning of the law, interpretation, concretization, the notional field of law, a concept.*

Вопросы толкования и конкретизации права относятся к числу важнейших проблем современной юриспруденции. Однако в юридической литературе недостаточно исследованы вопросы взаимосвязи конкретизации и толкования с общей проблемой смысла права. Это тем более удивительно, что в научной и учебной литературе хрестоматийным выглядело указание на цель толкования права, реализации права, процессуальных форм деятельности и других юридических категорий – «установить (раскрыть) наиболее точный, правильный, подлинный смысл правовых норм». Возникает вопрос: как использовалась ссылка на смысл права без соответствующих представлений о том, что означает для юриста данная основополагающая категория гуманитарного дискурса?

Отсутствие серьезных разработок проблем смысла в правовых исследованиях можно объяснять различными причинами: формализмом, иногда догматизмом юриспруденции в целом, недостаточным развитием общей и правовой культуры в стране, а также социальной и экономической нестабильностью в современном российском обществе, порождающей появление в науке транзитивных, в основном неустойчивых научных конструкций, первоначально рассчитанных на временный период применения, а в дальнейшем перерастающих границы «временности» и начинающих претендовать на общеправовое, универсальное значение. Нельзя обойти молчанием в этом ряду и идеологические факторы, господствовавшие в советское время, когда проблематика смысла заменялась изучением вопросов сущности права, а все имеющиеся знания и усилия научного сообщества направлялись на борьбу с «буржуазной» наукой права, обоснование подлинности и ценности социалистической, советской правовой мысли. Наконец, не исключая и другие причины, важно указать на известные логоцентристские установки отечественного правоведения, когда практически все правовые феномены анализировались и продолжают рассматриваться в рамках логико-понятийного мышления (понятие, признаки, сущность, суждения, умозаключения и т.п.). Это обстоятельство, являясь самым большим плюсом отечественной правовой методологии, отдавая дань четкой системе классификаций и обобщений в правовом познании, одновременно выступает и как наиболее заметное препятствие на пути дальнейшего развития юридической науки, так как значительно отрывает правовые исследования от общегуманитарных и междисицплинарных исследований. Между тем проблема сущности права и правопонимания – это составная часть общей проблемы смысла права, имеющей, наряду с логическим измерением, и иные уровни концептуализации (ценностный, культурологический и т.д.).

Таким образом, смысл права является той отправной категорией, в рамках которой предлагается рассматривать и проблемы толкования, конкретизации права, выявив их новые грани и стороны. Нами в отдельной работе предложена теория смыслового поля права как структурная модель смысла пра-

ва с ядерно-периферийной организацией. Термин «ядро» имеет множество значений в различных областях знания, главными из которых выступают следующие: 1) внутренняя, центральная часть какого-либо сложного объекта; 2) глубинная сущностная часть чего-либо, суть, основа [1, с. 611]. Смысловое ядро концепта права есть концентрированное обобщение преимущественно единого, однозначного, жестко предопределенного, абстрактного, всеобщего, стабильного (статического), универсального, должного и необходимого в содержании права. Это ментально-информационная часть смыслового поля, выражающая знания, представления человека об универсальных, социокультурных характеристиках права. В порядке эвристического поиска мы полагаем, что базовые смысловые характеристики права выражаются через многомерное, интегративное единство трех компонентов: ценностей, идей (принципов) и норм. Конкретизация этих базовых элементов осуществляется в смысловой периферии концепта права [2, с. 45, 46].

Проблемы соотношения толкования и конкретизации права с точки зрения их функциональных свойств и роли в процессе государственно-правового познания всегда вызывали множество дискуссий. В последние годы соответствующие взгляды на проблемы их единства и разграничения обобщил в своей кандидатской диссертации и отдельных научных статьях М.В. Залоило. Автор увязывает роль интерпретации как своеобразного «мостика» между правотворчеством и правоприменением и значение конкретизации как «промежуточного» элемента между неопределенностью и определенностью правовых феноменов. Это позволяет выделить три вида конкретизации, в зависимости от того, на какой стадии правового регулирования она осуществляется: правотворческую, правоприменительную и правоинтерпретационную. На каждой из этих стадий соотношение и взаимодействие толкования и конкретизации имеет разные формы: 1) отождествление двух явлений; 2) конкретизация как прием толкования; 3) толкование как форма, ступень конкретизации; 4) цель и средство; 5) причина и следствие; 6) разграничение и самостоятельность двух явлений. Интересно, что сгруппированные подобным образом схемы соотношения толкования и конкретизации представляют собой процесс нарастания познавательной определенности в уяснении их взаимосвязей [3, С. 105 – 112; С. 14, 15].

По нашему мнению, данную верную в целом позицию М.В. Залоило необходимо развивать дальше в направлении её корреляции с проблемой смысла права. Дело в том, что конкретизация – это обобщающий родовой термин для обозначения сложносоставной вообще и в частности специально-юридической деятельности, имеющей место как в правотворчестве, правоприменении, так и в интерпретации права. Между толкованием права и его конкретизацией в реальной юридической практике действительно очень трудно провести границу, отделяющую их друг от друга. Однако в инструментальных целях удовлетворения потребностей юридической практики вполне уместно и достаточно охарактеризовать их соотношение по модели «цель – средство». Поскольку принципы соотношения целей и средств являются частным случаем отношений взаимообусловленности и взаимозависимости в философии, то из них нельзя делать вывод о полном тождестве либо полной самостоятельности толкования и конкретизации права, а равно нельзя утверждать о зависимом характере их связи как приеме, ступени другого процесса. Причины и следствия тоже могут меняться местами, как цели и средства, но причинно-следственные связи обусловлены контекстом времени: все-таки причина всегда появляется раньше, а следствие позже, вопрос ставится тогда только в отнесении тех или иных явлений правовой сферы к причинам либо следствиям. В итоге цели и средства остаются наиболее нейтральными в философском отношении критериями взаимосвязи толкования и конкретизации права, поскольку, изменяя свой гносеологический статус в правовой жизни, не зависят или зависят в меньшей мере от темпоральных факторов. Конкретизация – это и цель, и средство толкования, в том числе конкретизация – это важнейшее познавательное средство толкования права по объему. Толкование же, в свою очередь, является методом, а иногда и официальным результатом состоявшейся конкретизации [4,с. 79 – 81]. Следует отметить, что взгляд на толкование как на ступень в процессе конкретизации права весьма популярен в немецкой правовой доктрине [5, с. 161 – 164].

Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 г. N 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской

Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области» [6, Ст. 4470] примечательно не только тем, что посвящено злободневным проблемам обращений граждан в органы публичной власти (статья 33 Конституции Российской Федерации), но и тем, что вносит новые смысловые элементы в толкование и конкретизацию основных принципов Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (с изм и доп. от 27.07.2010) (далее – Закон об обращениях) [7].

С одной стороны, Конституционный Суд Российской Федерации постановил признать взаимосвязанные положения части 1 статьи 1 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – сами по себе они не препятствуют введению законами субъекта Российской Федерации в целях защиты конституционного права граждан на обращение положений, которые дополняют федеральные гарантии данного права и не предполагают возложение новых обязанностей (ограничений прав) на физических и юридических лиц.

Здесь показано, что содержащаяся в Законе об обращениях регламентация отношений граждан и органов публичной власти в связи с реализацией права на обращение по своему содержанию в значительной части относится к сфере защиты взаимосвязанных прав, закрепленных в статьях 33 и 45 Конституции Российской Федерации, а также в ряде других ее статей. При этом защита прав и свобод человека и гражданина находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (статья 72, пункт «б» части 1 Конституции Российской Федерации). Поэтому субъекты Российской Федерации могут принимать нормативные правовые акты, предусматривающие дополнительные гарантии права на обращение, в рамках, определенных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами, например, не возлагая самостоятельно обязанности и обременения подобного рода на органы местного самоуправления, регулирование полномочий которых входит уже в предмет совместного ведения Российской Федерации и её субъектов. Тем самым достигается баланс публичных интересов всех уровней власти и индивидуальных (групповых) интересов общества по вопросам обращений.

Данный вывод можно назвать результатом толкования правовых норм, поскольку он сделан из систематического сопоставления и взаимного согласования текста различных статей Конституции Российской Федерации и Закона об обращениях, без дополнительных операций над смыслом, имеющих последствиями изменение текстуального содержания норм права.

Вместе с тем, с другой стороны, Конституционный Суд Российской Федерации постановил признать взаимосвязанные положения части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 30, 33, 45, 55 (часть 3) и 76, в той мере, в какой они - в силу неопределенности нормативного содержания, порождающей на практике неоднозначное их истолкование и, соответственно, возможность произвольного применения, – препятствуют распространению положений данного Федерального закона на отношения, связанные с рассмотрением органами государственной власти и органами местного самоуправления обращений объединений граждан, включая юридические лица, а также рассмотрению обращений осуществляющими публично значимые функции государственными и муниципальными учреждениями и иными организациями, в том числе введению законом субъекта Российской Федерации положений о возможности рассмотрения обращений такими учреждениями и организациями. Правда, такая возможность должна быть легализована, прежде всего, на уровне федерального закона, в связи с чем федеральному законодателю дано предписание надлежащим образом урегулировать этот вопрос.

Следовательно, в названном случае потребность именно в конкретизации правовых норм обусловлена неопределенностью их нормативного юридического содержания, порождающей на практике неоднозначное их истолкование, и соответственно намечены пути решения этой проблемы: конкретизация возможности обращения к иным, помимо органов публичной власти, организациям, наделенным публично значимыми функциями, и конкретизация правомочия субъектов Российской Федерации установить по данному вопросу соот-

ветствующие предписания. Отсюда такая своеобразная, не текстуальная, а смысловая, конкретизация выражается как в расширении круга субъектов обращения в органы публичной власти (граждане и их объединения), так и в расширении круга властных институтов, обязанных рассматривать такие обращения (органы власти, предприятия, учреждения). В силу этого последующее единообразное толкование по объему в правоприменительной практике этих норм будет являться официальным результатом состоявшейся их конкретизации.

Мы должны отметить и то, что толкование норм права зачастую выступает как элемент специально-юридического инструментария для профессионального юриста, в то время как конкретизация права не ограничивается лишь правовым измерением, а применительно к правовой сфере выступает преимущественно как общенаучное, общефилософское понятие развертывания содержания права, поэтому предполагает связь и с другими сферами: аксиологической, когнитивно-рациональной (идейной), духовно-культурной, праксиологической и т.п. Так, в отмеченном нами постановлении «красной нитью» проходит идея диалога между личностью, обществом и государством, в силу которой личность не является объектом государственной деятельности, а выступает в отношениях с публичными властными институтами как равноправный субъект, имеющий возможность защищать свои права и спорить с любым органом государства. Данная аксиологическая конкретизация лежит в основе соответствующей нормативно-правовой конкретизации.

Таким образом, толкование и конкретизация являются наиболее универсальными способами раскрытия смысла права, находясь друг с другом в отношениях взаимозависимости и взаимообусловленности. Следует обратить внимание на то, что единство этих юридических процессов в аспекте теории смысла права не исключает разграничения их на уровне выполняемых функций в социально-правовой жизни и смысловом поле права.

Литература

1. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1968.

2. *Гаврилова Ю.А.* Смысловое поле права (философско-правовой аспект). Волгоград, 2011.

3. *Залоило М.В.* Конкретизация и толкование юридических норм: проблемы соотношения и взаимодействия // Журнал российского права. 2010. № 5; Понятие и формы конкретизации юридических норм: Автореф. дисс. …канд. юрид. наук. М., 2011.

4. *Гаврилова Ю.А.* Толкование права по объему: теория, практика применения и техника. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.

5. *Röthel A.* Normkonkretisierung im Privatrecht. Tübingen, 2004.

6. Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 31.

7. Российская газета. 2006. 5 мая.

УДК 340.1

Павкин Л.М.

ТЕОРИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ: К. ШМИТТ И Д. АГАМБЕН

Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов теории чрезвычайного положения К. Шмитта и Д. Агамбена. В частности, речь идёт об их взглядах по проблемам диктатуры, суверенитета.

The article is devoted to the consideration of some aspects of the theory of state of emergency of K. Schmitt and D. Agamben. The article considers in particular theirs viewpoints with regard to problems of dictatorship, sovereignty.

Ключевые слова: *чрезвычайное положение, диктатура, суверен, биовласть.*

Key words: *the state of emergency, dictatorship, sovereign, biopower.*